

ВИКТОР ГЛЕБОВ

ДЫХАНИЕ ЗЛА

СЕРИЙНЫЙ ОТДЕЛ

ДЕТЕКТИВ НЕ ДЛЯ
СЛАБОНЕРВНЫХ

18+

ЖЕСТЬ

Серийный отдел. Детектив не для слаонервных

Виктор Глебов

Дыхание зла

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Глебов В.

Дыхание зла / В. Глебов — «Эксмо», 2015 — (Серийный отдел.
Детектив не для слабонервных)

Преступник использовал один из самых жестоких, диких и варварских способов убийства, поэтично названный «красным тюльпаном». У жертвы надрезается кожа вокруг пояса, а затем снимается через голову, как футболка. Два изуродованных таким образом трупа были подброшены к памятникам Петру Первому и Екатерине Великой. Под первым трупом лежала шахматная фигура черного коня, под вторым – фигура ферзя. А свидетели показали, что преступник был в маске кролика. Следователю Валерию Самсонову предстоит выяснить, с кем он имеет дело – с серийным маньяком или же с умным и хитрым преступником, который таким изуверским способом передает некое зашифрованное послание...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Глебов В., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Виктор Глебов

Дыхание зла

А кто неправо поступит, тот получит по своей неправде...
Кол. 3:25

© Ежов М., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1

Красные тюльпаны

Старший следователь «Серийного отдела» Санкт-Петербурга Валерий Самсонов остановил машину возле похожего на серую коробку здания с тусклым фонарем над входом. Неподалеку он заметил зеленую «Шкоду» медика-криминалиста – значит, Полтавин уже здесь и, вероятно, приступил к работе.

Самсонов выключил проигрыватель, и звуки песни «Show me the way» группы «Cranberries» исчезли из салона автомобиля. Полицейский всегда слушал музыку за рулем. Он привык к этому давно и нажимал кнопку воспроизведения автоматически, едва захлопнув дверь машины.

Старший лейтенант не торопясь запер автомобиль и поправил кобуру под курткой. Он терпеть не мог оружия, а тяжелый пистолет вдобавок оттягивал плечо, но что поделать: если ловишь серийных убийц, нужно быть готовым ко всему.

Немного потоптавшись и поглядев по сторонам, полицейский направился к двери. Он ненавидел визиты в лабораторию, где приходилось разглядывать мертвецов и выслушивать комментарии Полтавина, который, казалось, чувствовал себя в прозекторской как рыба в воде. Впрочем, при его работе в этом не было ничего удивительного: ко всему поневоле привыкнешь, если с утра до вечера режешь трупы. А Самсонов знал, что Полтавин параллельно с работой в «Серийном отделе» преподает судебную медицину, так что практики у него хватало.

Конечно, у Самсонова не было необходимости посещать морг. Туда можно было отправить кого-нибудь из оперов, и они бы отлично справились – в этом Самсонов не сомневался. Его должность старшего следователя предполагала кабинетную работу, но он терпеть не мог просто распределять обязанности между своими сотрудниками. Ему нужно было принимать в расследовании деятельное участие – поэтому Самсонов всегда работал «на земле». Любил, как он сам выражался, держать руку на пульсе. И хотя его начальник Башметов время от времени укорял Самсонова за то, что его почти никогда нет на месте, старший лейтенант знал, что это так, для виду. На самом деле Башметов считал, что каждый должен работать так, как ему удобно – тогда и раскрываемость будет выше, и люди здоровее.

Впрочем, однажды, около полугода назад, начальник решил провести серьезную разъяснительную беседу с подчиненным. Вызвал к себе и принялся распекал за то, что тот не сидит на месте, ведет себя не соответствующим должности образом.

– Ты же, Валера, старший следователь, – говорил Башметов, привычно попыхивая сигаркой. – Твое дело – сидеть в центре паутины и дергать за ниточки. А потом, когда все материалы будут собраны, накинуть сеть на преступника.

– Павел Петрович, – ответил Самсонов с легкой досадой, – вот когда я растолстею, как Ниро Вульф, тогда буду сидеть за столом, выслушивать доклады и строить на их основе умозаключения. А в перерывах поливать орхидеи. Пока же позвольте мне делать так, как я считаю нужным. Раскрываемость же не страдает, верно?

Башметов поспорил-поспорил, да и позволил. Видно, решил, что старую собаку новым трюкам не научишь.

Этот разговор почему-то вспомнился Самсонову, пока он поднимался на крыльцо морга. «А и правда, сидел бы сейчас в управлении и чаек попивал!» – подумал он с усмешкой и толкнул дверь.

Самсонов вошел в хорошо освещенное помещение, служившее холлом. Пахло спиртом и хлоркой, белые кафельные стены сверкали чистотой.

Возле кулера сидел Полтавин собственной персоной и по своему обыкновению хрустел диетическим хлебом, меланхолично роняя крошки себе на колени. При виде Самсонова он машинально поправил очки в толстой черной оправе и встал. Сунув остаток хлеба в карман, он шагнул полицейскому навстречу и протянул широкую ладонь.

– Здорово, – кивнул Самсонов, отвечая на рукопожатие. – Еще не приступал?

– Приступал, приступал. – Полтавин почесал кончик мясистого носа и глубоко вздохнул. – Перерывчик у меня. Трапезничаю. А ты, я смотрю, опять лично приперся.

– Приперся, – кивнул Самсонов. – Как всегда. Тебя это до сих пор удивляет?

– Знаешь, когда мы ловили Козерога, я понимал, почему ты везде носишься сам, у тебя был личный интерес, но потом... – Полтавин пожал плечами. – Не надоело еще?

Самсонов стоял, машинально разминая пальцами левое плечо. Почти каждый раз во время сна оно затекало и потом полдня болело, а старший лейтенант сегодня утром не успел сделать обычные для себя упражнения – только принял контрастный душ – и полетел на работу. То бишь сюда.

– Не надоело, – ответил Самсонов спокойно. – Люблю свежий воздух.

– Ну, тогда ты вообще не туда пришел, – усмехнулся криминалист. – Ладно, раз уж ты здесь, давай покажу тебе нашего клиента.

– Башметов сказал, там что-то невообразимое? – полувопросительно проговорил Самсонов.

– Угу, – Полтавин сделал кислую физиономию и почесал кончиком указательного пальца переносицу. – Я, по крайней мере, такого еще не видел.

– Ладно, не томи. Пойдем уже поглядим.

Криминалист сделал приглашающий жест рукой, и они вошли в соседнее помещение. Здесь свет горел только над стальным столом в центре комнаты, и сейчас он выхватывал одинокую фигуру, с головой укрытую зеленой простыней.

– Угощайся, – Полтавин протянул Самсонову крошечную баночку с ментоловой мазью.

Самсонов привычным движением сделал два мазка под носом и направился к столу. Он старался не смотреть на контуры тела, хотя и знал, что увидеть то, что пока скрыто от глаз, придется – для того он сюда и приехал.

Криминалист обошел стол справа и взялся за край простыни.

– Я начал обследование, – сказал он, – однако в моем распоряжении только один труп. Второй уже осмотрели и отдали на бальзамирование. Три недели прошло все-таки. Но все материалы мне переслали, – Полтавин указал на лежавшую рядом со столом папку. – Конечно, лучше бы поработать с обоими телами, но вскрытие первого трупа производил мой коллега, я его хорошо знаю, он меня заверил, что ничего не упустил. В принципе, думаю, можно уже сейчас с уверенностью говорить о почерке убийцы.

– То есть точно серия? – спросил Самсонов, стараясь сосредоточить взгляд на блестящих тоннелях в ушах Полтавина.

– Без сомнения, – кивнул криминалист и принялся не торопясь сворачивать простыню от головы к ногам. Он делал это такими точными, скупыми, аккуратными движениями, что сразу становилось ясно: человек занимается мертвецами не первый год.

Самсонов перевел взгляд на труп и остолбенел, будучи не в силах даже моргнуть. На какой-то миг ему показалось, что он попал на выставку адских скульптур Марка Пауэлла.

Мужчина, лежавший на столе, был словно разделен пополам – нижняя его часть еще хоть чем-то напоминала человеческое тело, но выше пояса все представляло собой алое сочащееся пособие анатомического театра, ибо убийца аккуратно снял кожу, начиная с затылка. Она была скатана до уровня бедер и свисала наподобие чудовищной юбки.

Связки, жилы, мышечные волокна – все лоснилось от лимфы и крови под ярким и беспощадным светом хирургических софитов, расположенных над столом. Лишенные век глаза

– два белесых шарика с красными прожилками сосудов – смотрели вверх с выражением бесконечного ужаса. Губ не было, и зубы в застывшем оскале белели на багровом фоне резким контрастом.

– Инквизиция отдыхает, да? – прокомментировал Полтавин, выждав минуту. – Жертву накачали морфием, чтобы не умерла от болевого шока во время сдирания кожи. Потом, когда действие наркотика закончилось, произошел разрыв сердца. На запястьях следы веревки – думаю, во время процедуры жертву подвешивали за руки. И сразу скажу: кожа снята профессионально. Не знаю, какими инструментами пользовался убийца, но надрезы очень ровные. Думаю, они сделаны хирургическим скальпелем или очень острым ножом. И убийца явно снимал кожу не второй раз в жизни. Да и с первым телом дело обстоит так же. Не скажу, что у кого-то рука набита, но практика точно имелась.

– Охотник? – сглотнув подступивший ком, проговорил Самсонов. Он видел тела в гораздо худшем состоянии, тела, буквально побывавшие в мясорубке, но это не значило, что он научился оставаться равнодушным к виду крови. Так же, как и к человеческой жестокости.

– Не знаю, – сказал Полтавин. – Необязательно. Шкуродер, например. Чучельник. Список профессий сам составляй, это не мое дело.

– А что... то есть почему столько порезов? – старший лейтенант указал на грудь и живот жертвы, буквально исполосованные во всевозможных направлениях. – Чем это его так?

– Вот тут-то и начинается самое любопытное, – хмыкнул Полтавин, натягивая латексные перчатки. – Это не порезы!

– А что тогда?

– Разрывы. Видишь, края неровные? От лезвия не так получается. К тому же их тут по меньшей мере полсотни, и все разного размера.

– Разрывы? – переспросил Самсонов. – Не понимаю.

– Объясню, – с готовностью кивнул Полтавин. – Убийца не поленился и проделал довольно долгую операцию после того, как жертва умерла от болевого шока. Вначале он слил почти всю кровь – оставил около литра – а затем закачал воду. Думаю, он пользовался насосом для заполнения артерий формальдегидом – это может тебе помочь, кстати.

– Думаешь, убийца работает в похоронном бюро?

– Ну, во всяком случае, такие приборы не продаются на каждом шагу, и их не покупают для домашнего пользования, верно?

Самсонов кивнул.

– Это точно. Отследить подобные покупки нетрудно.

– Убийца вводил катетеры туда, куда нужно, так что либо он имел дело с бальзамированием трупов, а значит, работал в ритуальных услугах, либо прочитал об этом в Интернете, но получилось в любом случае у него отлично. Очень профессионально, я хочу сказать. Так что лично я уверен, что он практиковался. Это тоже неплохо для расследования, верно?

– Да, это просто подарок, – согласился Самсонов. – Но откуда разрывы-то?

– А вот это самое интересное. После закачки воды убийца поместил труп в холодильник. Я подчеркиваю, что это был именно холодильник или морозильная камера, а не фреон или азот, например, потому что это точно можно определить по состоянию кожных покровов. Словом, вода замерзла и разорвала вены, артерии, сосуды и капилляры – так же, как зимой иногда лопаются трубы системы отопления. Поэтому наш труп похож на трухлявый пень. Смотри. – Полтавин взял какой-то стальной инструмент и надавил одним его концом на грудь жертвы. Мышцы легко и глубоко просели, выступила кровь и собралась в углублении алой лужицей.

– Почему кровь до сих пор не свернулась? – спросил, борясь с отвращением, Самсонов.

– Убийца добавил в воду специальный реагент, препятствующий сворачиванию. Думаю, название и формула тебе ничего не скажут, но в отчете я все укажу. Его тоже не каждый день покупают – может, удастся отследить.

– Зачем ему это понадобилось?

Полтавин пожал плечами.

– На мой взгляд, для эффектности. Убийца просто хотел, чтобы труп сочился кровью, когда его найдут.

Самсонов согласно кивнул.

– Поэтому он слил не всю кровь, – сказал он. – И долго он так будет?

– Даже не знаю. Может быть, еще несколько часов.

– А зачем надо было менять кровь на воду? Разве при заморозке кровь не разорвала бы сосуды так же, как вода?

– Разорвала бы, но не так эффектно. Все дело в составе. Вода расширяется сильнее. Думаю, убийца поэкспериментировал с животными, прежде чем браться за людей.

– А это что? – Самсонов указал на зияющую в правом бедре широкую рану, похожую на кривую ухмылку. Обрывки артерий и сухожилий свисали подобнодохлым червям.

– Удалена часть бедренной кости, – ответил Полтавин, обходя стол. Он раздвинул специальными щипцами края раны, и из нее хлынула кровь. – Видишь, концы кости раздроблены? Думаю, убийца использовал большие кусачки вроде тех, которыми режут кабель. Я взял пробы на случай, если на лезвии что-то было – машинное масло или грязь, например. Анализы будут готовы позже. Убийца забрал кость с собой – так же, как и у первой жертвы, вырезано около двадцати сантиметров самой широкой части.

– Зачем она могла ему понадобиться?

– Не имею представления, – пожал плечами криминалист. – И, слава богу, это не моя забота. Вы, парни, расследуете, а я только режу и в микроскоп смотрю.

– Да это я так – мысли вслух, – отмахнулся Самсонов. В голове у него уже составлялся список ближайших дел – действий, которые необходимо будет предпринять в начале расследования. – Что еще? – спросил он жадно.

– Слитую кровь убийца тоже, видимо, забрал в виде трофея. Ну, или вылил куда-нибудь. Во всяком случае, там, где тела обнаружены, ее не было.

– Башметов сказал что-то про шахматы.

Полтавин кивнул:

– Ах да! Вот они. – Он достал из картонной коробки и протянул Самсонову две черные фигурки в пластиковом пакете. – Отдать пока не могу – еще не все анализы сделаны – но полюбуясь, если хочешь.

Самсонов держал в руках две шахматные фигуры – коня и ферзя.

– Коня нашли под первым телом, ферзя – под вторым, – пояснил Полтавин. – Обычные пластмассовые шахматы из набора. Отпечатков нет, сразу скажу.

– Второе тело опознали? – спросил Самсонов, возвращая шахматы.

Криминалист уложил их обратно в коробку, затем открыл папку и секунд десять читал. Потом повернулся к следователю:

– Опознали, да. У жертв есть, кстати, кое-что общее. Первого убитого звали Роман Бончовска, 38 лет, бывший гражданин Болгарии, с 2011 года – эмигрант. Второго – Богдан Йорг, 41 год, бывший гражданин Молдавии, с 2012 года – эмигрант.

– Гастарбайтеры?

– Нет, не сказал бы. Бончовска работал инструктором по альпинизму в одном спортклубе, а Йорг – водителем в службе доставки. На частичной занятости. Чем в остальное время занимался, неизвестно.

– Ясно. Что еще?

– Пока ничего. Постараюсь окончательный отчет составить к вечеру.

Самсонов кивнул.

– Ладно, как будет готов, перешли мне.

– Само собой.

– Ну и, если вдруг обнаружишь что-нибудь... этакое, то звони.

– Позвоню, Валера, не сомневайся. Не хочешь помочь мне вскрыть грудную клетку? В первом трупе ничего не нашли, но ты же знаешь правила: осматривать все. Надо сделать Y-образный надрез вот отсюда до...

– Очень смешно! – оборвал криминалиста Самсонов. – Мне пора.

– Ладно, как хочешь! – усмехнулся Полтавин, беря в руку скальпель. – Будет скучно, заходи. Кстати, ты мне должен два косаря. Когда отдашь?

– Потом. – Самсонов смущенно кашлянул. – Сейчас нет с собой.

– Ты еще на той неделе обещал! – недовольно буркнул криминалист. – Знаешь, как говорят: долг платежом красен.

– Знаю, знаю. На днях отдам, зуб даю.

– Лучше деньги.

Самсонов вышел из лаборатории с чувством облегчения. Не только потому, что выбрался из царства мертвых, но и потому, что напоминание Полтавина о проигранных в покер деньгах было ему неприятно. Конечно, скоро он получит зарплату и рассчитается, и все же ему не хотелось, чтобы патологоанатом решил, будто он увиливает.

Прислонившись к машине, Самсонов подышал свежим весенним воздухом, наполненным влагой. Затем достал мобильник и набрал номер матери. Последний раз они разговаривали два дня назад, и тогда он узнал, что отец в больнице. Врачи отмалчивались, но было ясно, что осталось ему немного. Рак обнаружили слишком поздно: отец до последнего не хотел обследоваться. И вот он умирал.

Голос матери был спокойным, как всегда. Она привыкла стойко сносить удары судьбы – так она говорила. Самсонов видел ее плачущей только раз – когда умерла его сестра. С тех пор, казалось, мать стала еще сильнее. Но что творилось в ее душе? Это знали только она и Бог.

– Как папа? – проговорил Самсонов, глядя на верхушки тополей. Среди ветвей свили гнезда вороны, и ветер раскачивал их как гигантские метрономы. Время шло неумолимо, сокращая жизнь людей, не замечающих этого до тех пор, пока смерть не замаячит у самого порога.

– Без изменений, – ответила мать, повторяя фразу врачей. – Ты приедешь к нему?

– Как только смогу. Сейчас появилось новое дело.

– Понятно, – в голосе не было осуждения. Просто констатация.

– Я постараюсь вырваться.

– Он сейчас без сознания. Спешки нет.

– Ладно.

– Позвони, когда соберешься.

– Конечно.

Они помолчали. Было много недосказанного, но ни один из них не решался облечь чувства и мысли в слова.

– Тебе что-нибудь нужно? – спросил Самсонов.

– Нет. Ну, ладно, счастливо. Мне надо идти, а то греча подгорит.

Самсонов с облегчением закончил разговор. Они не обсуждали то, что отец обречен, но молчать об этом было тоже нелегко.

Отсоединившись, Самсонов сразу набрал своего помощника, младшего следователя Дремина.

– Да, Валера? – почти сразу отозвался тот. – Как дела?

– Приеду – расскажу. – Среди своих коллег, в мире преступлений и полицейских, Самсонов чувствовал себя уверенно и спокойно: здесь все подчинялось правилам, и даже неожиданности входили в число чего-то... ожидаемого. На работе Самсонов ощущал, что мир не

рушится, не разваливается на куски, раздираемый неизвестными силами. Главное – выслеживать и уничтожать зло, которое лезет отовсюду подобно ядовитой плесени. – Что удалось выяснить про убитых?

– Ну, про Бончовска довольно много, все-таки три недели назад начали расследование, материалы в наш отдел передали, а вот про Йорга пока что разузнали немного. Но я получил ордер на обыск, так что скоро отправимся на квартиры. Думаю, тогда узнаем побольше.

– Хорошо. Ищите, что может быть у жертв общего.

– Ясное дело. Не впервой.

– Ладно, а как насчет камер наблюдения? Зафиксировали что-нибудь?

– Все зафиксировали. Еще бы, тела-то оставлены были в таких местах, что странно даже...

– Давай ближе к делу, – прервал коллегу Самсонов.

– Пардон, шеф. Сию секунду. Значит, так: первое тело убийца привез на белом «Мицубиси», номера не разобрать – похоже, нарочно заляпан грязью. Труп Бончовска он оставил возле Медного всадника. Вторую жертву убийца привез к памятнику Екатерине Великой на черной «Волге». С номерами та же история. В обоих случаях убийца был в карнавальной маске зайца. Одежда темная, объемная, без надписей и логотипов. Выгрузив тела, уезжал на тех же автомобилях, на которых приезжал. Вот и все. Полтавин обещал выслать своих архаровцев осмотреть место у памятника Екатерине, хотя там уже поработала местная бригада экспертов. Они ему переслали все материалы. Но ты же знаешь, он любит все сам окинуть орлиным оком.

– Знаю, знаю. – Самсонов сел в машину, поправил зеркало заднего вида. Из него на старшего следователя взглянул человек лет тридцати пяти, с ежиком светло-русых волос, серыми глазами и тяжелым, плохо выбритым второпях подбородком. – Дай мне адрес Йорга, я подъеду к вам на обыск.

– Записывай.

* * *

Сарко сидел в темноте. Свет во всей комнате был погашен, и даже шторы тщательно задернуты, чтобы ни единый луч солнца не проник в обитель воспоминаний. Этот воображаемый зал из стекла и белоснежного мрамора был единственной святыней Сарко, тщательно оберегаемой от внешнего мира. Здесь он проводил свободное время, вышагивая по черным и белым плитам, в шахматном порядке покрывавшим пол. Здесь играла музыка – вальсы Шопена, симфонии Моцарта, детские песенки, которые когда-то звучали на проигрывателе пластинок. Сарко помнил все слова каждой из них. Он мог включать и выключать их всего лишь силой мысли, но сейчас его не интересовали мелодии. Он не собирался оставаться в этом зале, не собирался встречаться с Принцессой. У него были другие дела.

Глаза у Сарко были плотно закрыты, на лице не наблюдалось ни малейшего движения, потому что он был не здесь, в душевной комнате, а далеко в прошлом, которое так прочно вросло в его сознание, что постепенно стало и настоящим, и даже будущим. Вообще Сарко надеялся, что рано или поздно оно превратится в вечность.

В центре зала находился огромный аквариум цилиндрической формы. Он был метра два в диаметре и метров семь в высоту. Внутри этого «стакана» кружились фиолетовые и пурпурные рыбки с тонкими, почти прозрачными плавниками, похожими на вуаль. Сарко не знал названия этих рыбок, он просто видел их много лет назад, запомнил и поместил сюда. Принцессе они нравились. Много лет назад у нее были такие же – в круглом аквариуме с керамическим гротом на дне. Теперь в «стакане» их было не меньше полусотни.

В святилище имелись и другие помещения. В голове Сарко хранил образы, которым не было места здесь, в шахматном зале. Они осквернили бы его, и поэтому держать их приходилось внизу, в подвале.

Сарко спустился на скоростном лифте метров на пятьдесят вглубь и оказался в мрачном подземелье – именно таком, какие показывают в фильмах ужасов. Здесь было сыро, пол выстилали плиты из грубого выщербленного гранита, а тусклый свет давали электрические лампочки в проволочных колпаках, вокруг которых вились бледные мотыльки.

Сарко шел по каменному полу, и его шаги гулко разносились под низкими сводами подвала. Впереди виднелись тяжелые люки, запертые мощными засовами. Оттуда, из недр узких скользких колодцев, доносились вопли. Страдание! Это единственное слово, которое могло бы верно описать причину этих криков.

Люки не были одинаковыми. Большая часть из них существовала для того, чтобы никогда не открываться, чтобы только сдерживать воспоминания, которые Сарко предпочел бы уничтожить, но его мозг упорно отказывался стереть их.

Но люки, к которым направлялся Сарко теперь, располагались отдельно. Крышки некоторых из них были откинuty: эти узилища ждали своего часа. Здесь, в подвале, пахло аммиаком и плесенью, кровью и экскрементами.

Сарко приблизился к первому запертому люку. Через отверстия в тяжелой крышке доносились вопли мужчины, с которого живьем содрали кожу. Подвешенный к крюку, он весь сочился, истекал жидкостями, блестел и вонял. Сарко представил, что крышка люка становится прозрачной и отступил на пару шагов, чтобы полюбоваться своей работой.

Вышло совсем неплохо. Может быть, не так идеально, как у набивших руку мастеров святой инквизиции, но человек страдал – это очевидно. Для Сарко этого было вполне достаточно. Он стоял, наблюдая за муками своей жертвы, чтобы убедиться, что боль достаточно сильна. Он даже готов был испытать ее на несколько секунд, чтобы убедиться, что человек получил сполна. Но разве есть на свете казнь, справедливая для него? Сарко был убежден, что нет. Он вдруг понял, что по его лицу катятся слезы. Это оттого, что никакая боль не сможет удовлетворить ненависть Сарко. Она сжигает его год за годом, и в душе его – черное пепелище! А когда-то там росли цветы. Целый сад говорящих цветов, с песчаными тропинками и зеркальным прудом с черными утками и белыми лебедями. Принцесса обожала бросать им крошки хлеба, следя, чтобы досталось каждому, даже самому нерешительному.

Душа рвалась из колодца, она хотела улететь из мрачного подвала, где была обречена на вечные муки. Сарко не собирался позволить ей этого. Он не испытывал ни малейшей жалости к этому человеку. Он освежевал бы его снова и снова, если бы мог. Но, к сожалению, умирают лишь однажды.

Сарко наклонился и отодвинул засов. С трудом откинув люк, он ухватил рванувшуюся вверх по колодцу душу за длинный окровавленный хвост, а другой рукой достал из кармана небольшую белую коробочку. Сарко раскрыл ее, поднес бьющуюся с пронзительными воплями душу к своему рту и дыхнул на нее. Воздух был ледяным и сразу заморозил душу, сделав ее неподвижной. Сарко аккуратно уложил ее на атласную подушечку внутри коробочки. Затем перевязал подарок красной ленточкой и сделал пышный бант. Придирчиво осмотрел и, удовлетворенный результатом, неторопливо вернулся к лифту, чтобы подняться в мраморный зал. Здесь он оставит коробочку для Принцессы. Она придет, когда он покинет святилище, потому что сегодня Сарко не чувствует себя в силах встретиться с ней. Может быть, завтра он будет готов, и тогда она расскажет, понравился ли ей сюрприз.

Сарко зашагал по направлению к аквариуму, думая о том, что белая коробочка будет отлично смотреться на черной плите.

* * *

Самсонов сидел на подоконнике и наблюдал за тем, как сотрудники «Серийного отдела» переворачивают все в квартире Богдана Йорга вверх дном. Справа от него примостился Морозов. Он недавно закончил курсы программистов в рамках повышения квалификации и теперь, обложившись дисками со специальными программами, пытался взломать ноутбук убитого. Перед рыжим опером лежали карманная пепельница и пачка сигарет, однако, увлеченный процессом, он так ни разу и не закурил.

К Самсонову вразвалку подошел брюнет в кожаной мотоциклетной куртке и потертых джинсах – Дремин. Тонкие усики делали его похожим на испанского гранда. Сам он, впрочем, был убежден, что смахивает на Антонио Бандераса, по которому сходила с ума его жена.

– Мы почти закончили, – сказал он, садясь на подоконник. – Я начал составлять список найденных вещей, чтобы сличить со списком из квартиры Бончовска.

– Есть что-нибудь интересное насчет Йорга?

Дремин пожал плечами, скрипнув кожей куртки.

– Даже не знаю. Кое-что кажется странным, но мало ли...

– Выкладывай.

– Никаких фотографий. Я имею в виду семейные снимки.

– Может, они остались у него на родине.

– А фотоотчеты с пикников и праздников? У каждого человека они есть. Я лично просмотрел его фотоаппарат – ничего подобного.

– Возможно, он скидывал фотки на компьютер. – Самсонов кивнул в сторону Морозова. – Подождем, что он нарвет. Тебе, кстати, еще долго? – окликнул он опера.

– Думаю, не больше часа, – отозвался тот. – У него тут специальная защита зачем-то стоит.

– Зачем курьеру специальная защита?

– Без понятия. Тем интереснее узнать, что у него на жестком диске.

– Что еще скажешь? – Повернулся Самсонов к Дремину.

– Помимо фоток, отсутствуют молдавские документы.

– В смысле?

– В прямом. Есть только те, что были выданы в России. Но ни молдавского паспорта, ни трудовой книжки, ни ИНН, ни страхового свидетельства. Куда он их дел? Не выбросил же.

– Вообще ничего?

– Нет, пусто. Парень словно появился в России из ниоткуда.

– Дай-ка мне его паспорт.

– Сейчас принесу.

Через минуту Самсонов разглядывал российский паспорт Богдана Йорга, эмигранта из Молдавии.

– Знаешь что, – проговорил он спустя пару минут, – отдай-ка ты эту ксиву на экспертизу.

– Думаешь, подделка? – удивился Дремин, поднося паспорт к глазам. – Выглядит как настоящий.

– И все же отправь.

– Ок, сделаю.

– А документы Бончовска проверяли?

– Вряд ли.

– Отправь и их.

– Конечно.

– И вообще надо выяснить, есть ли у него свидетельства пребывания в Болгарии. Или он тоже неизвестно откуда взялся.

Дремин кивнул.

– Мобильник Йорга посмотрел?

– Телефон, как и одежда, был оставлен убийцей возле тела. Еще не дошли до него руки. Остался в управлении.

– Сравни с телефоном Бончовска. Может, они были знакомы или имели общие контакты.

– Валер, ты обещал рассказать, как выглядят трупы.

– А, да, – нехотя кивнул Самсонов. – Кожа содрана от затылка до пояса, висит на бедрах лохмотьями. Потом убийца выкачал кровь и залил вместо нее воду. Заморозил тела, чтобы вода расширилась и разорвала сосуды.

Дремин присвистнул.

– «Красный тюльпан», значит, – проговорил он задумчиво.

– Что? – не понял Самсонов. – Какой еще тюльпан?

– Ну, это ведь так называется. Когда кожу сдирают с торса. Древняя пытка, довольно известная. Кажется, в Афганистане несколько случаев были зафиксированы во время войны.

– Seriously? «Красный тюльпан» называется?

– Ну да.

– Там еще шахматные фигурки были. Слон и ферзь. Что на этот счет скажешь?

– Понятия не имею, – Дремин машинально пригладил усики указательным пальцем. – Может, какой-то псих решил в шахматы поиграть?

– С кем?

– Откуда мне знать?

– Он, похоже, еще и с памятниками как-то все это связал. Конь – Медный всадник, ферзь, то бишь королева, – Екатерина Вторая.

– Меня больше его маска зайчика интересует, – ответил Дремин. – Что это за детский сад? И как она связана с шахматами, памятниками, «красным тюльпаном» и заморозкой трупов?

– Кстати, убийца еще часть бедренной кости вырезает. Похоже, в качестве трофея.

– Seriously? – Дремин нахмурился. – По-моему, я где-то об этом читал.

– Давай вспоминай.

– Погоди, погоди, Валера. Не торопи. – Дремин потер виски кончиками пальцев. – Нет, – сказал он через минуту. – Не могу. Но я поищу в Интернете. Уверен, что встречал нечто подобное.

– Ладно. Я поеду в управу, надо ознакомиться с материалами по первому убийству, а вы тут заканчивайте и присоединяйтесь. Будем искать точки соприкосновения в этих двух убийствах.

Дремин молча кивнул.

* * *

Самсонов заехал пообедать и выпить черного кофе в «Беллерофонт» – в этом заведении заваривали именно такой крепкий, как он любил. Потом он отправился в управление, где первым делом зашел в кабинет начальника, Павла Петровича Башметова. Тот сидел в кресле, втиснув свое объемное тело между подлокотниками, и постукивал незажженной сигарой по столу.

– А, Валера, заходи, – кивнул он при виде старшего следователя. – Как дела?

– Да никак, Пал Петрович. – Самсонов плюхнулся на стул и рассеянно провел ладонью по коротким волосам. – Два трупа, один почерк. Столько накручено, что не знаешь, как понимать. Тут тебе и «красный тюльпан», и заморозка, и кости, и шахматы!

– Я ознакомился с материалами дела, – проговорил Башметов, нахмурившись. – Это тебе поначалу кажется, что винегрет, а для убийцы все взаимосвязано.

– Надеюсь, что так. А если это просто трюк, чтобы нас запутать?

– Все может быть. Но не думаю. Угадай почему.

Самсонов вздохнул. Он и сам понимал, что преступник не случайно выбрал именно такой способ убийства.

– Если бы это были обыкновенные разборки, то проще было бы грохнуть и молдаванина, и болгарина, да и концы в воду, а не оставлять столько улик, – сказал он.

– Вот именно. Чем сложнее модус операнди, тем больше зацепок. Тебе ли это объяснять?

– Я понимаю, Павел Петрович, но как шахматы с тюльпанами связаны, например?

– Не знаю ни про какие тюльпаны. Зато знаю, что твоя работа – как раз искать связи.

– Сам понимаю. Просто пока похвастать нечем.

– Ну так вперед.

– Разрешите идти?

– Подожди. – Башметов сделал страдальческое лицо и достал из ящика стола несколько газет. – Тут про убийства эти написали. Тела-то в общественных местах оставлены, так что резонанс, так сказать, неизбежен. Ничего хорошего про нас в этих статейках нет, а когда журналисты пронюхают подробности, нас просто заклюют! Твоя старая знакомая тут особенно постаралась представить нас в самом выгодном свете.

– Какая знакомая?

– А та, которая после дела Козерога все интервью у тебя порывалась взять. Эксклюзивное. А ты ее послал. Когда она поймет, что эти убийства – серия и занимается ими наш отдел, вот тут она оторвется!

Самсонов хотел бы сказать, что ему плевать на то, что пишут газеты, но он понимал, что Башметов, в отличие от него, пренебрегать такими вещами не может.

– Ответственность осознал, – сказал он. – Будем действовать по возможности оперативно, но вы же знаете, что серийные убийства за пару дней не распутаешь.

Башметов бросил стопку газет на стол и махнул рукой.

– Я не задерживаю.

Самсонов отправился в свой кабинет и засел за компьютер. Он не раз благодарил Бога за то, что тот дал людям Интернет – важнейшее подспорье в работе следователя.

Прежде всего Самсонов решил разузнать про «красный тюльпан». Он легко нашел статью об этом виде казни. Оказалось, что первое упоминание о ней относится еще к далекому царствованию сасанидского царя Пероза, при котором кожу содрали с двух магов-огнепоклонников. Самсонов на всякий случай пометил в своем блокноте про огонь, хотя не был уверен, что это пригодится. Тем не менее он привык ничего не упускать, ведь неизвестно, как именно в сознании убийцы связались составляющие того способа, который он избрал, чтобы разделаться со своими жертвами.

Оказалось также, что во время афганской войны моджахеды применяли «красный тюльпан» к пленным советским солдатам. Кожа подрезалась под мышками и сворачивалась до пояса. И при этом тоже использовались наркотики.

Самсонов откинулся на спинку кресла и задумался. Убийца едва ли мог быть моджахедом или даже просто служить в Афганистане – слишком много времени прошло. Почему же он выбрал этот вид казни и так точно следует процедуре? Просто потому что понравилась? Но полицейский чувствовал, что для убийцы каждый элемент должен иметь значение. Стало быть, надо продолжать искать. Он решил выяснить, что означают красные тюльпаны сами по себе.

Вскоре Самсонов наткнулся на легенду о появлении этого цветка.

Однажды персидский султан Фархад влюбился в девушку по имени Ширин. Через некоторое время ему доставили ложное донесение о ее гибели, и султан, не пожелав жить без любви-

мой, направил своего верного коня на скалы и разбился. На следующий же день там, где пролилась его кровь, появилось поле красных тюльпанов.

Тут уже чувствовалось что-то личное. Может быть, убийца воспроизводит на свой манер эту легенду? Почитает таким образом погибшую возлюбленную? Мстит тем, кто, как он считает, повинен в ее гибели? Или тем, кто доставил ложное сообщение тому, кто...

Стоп! Самсонов почувствовал, что вот-вот сам запутается в своих выкладках. Слишком мало фактов, чтобы строить догадки. Грубейшая ошибка – высасывать версию из пальца, имея минимум данных.

Самсонов решил переключиться на другую часть мозаики. Вырезанная бедренная кость, которую убийца прихватил с собой. Дремин сказал, что встречал упоминания о чем-то подобном и обещал поискать в Интернете, но старший следователь решил не ждать и занялся этим сам. Однако его ждало разочарование: попадались статьи о хирургии и только. Тогда Самсонов открыл один из сайтов, посвященный имплантации, и стал читать. В конце концов, возможно, преступник искал что-то. Через некоторое время старший лейтенант решил, что у жертв вполне могли быть бедренные имплантаты, а в них... Мало ли что там можно было спрятать. Во всяком случае, ничего другого в голову пока не приходило.

Самсонов набрал номер своего сотрудника, опера по фамилии Коровин:

– Алло, это я. Надо кое-что проверить. Записываешь? Узнай, не делали ли Бончовска и Йорг операций на бедре. В России или за рубежом. Хотя с последним могут возникнуть проблемы. Тебе Дремин уже сообщил, что не ясно, бывал ли вообще Йорг в Молдавии? Ну вот и я о том же. В общем, ты понял, что меня интересует. Действуй.

Отключившись, Самсонов встал и заварил себе зеленый чай. Он предпочитал кофе по утрам, но во второй половине дня пил зеленый чай, чтобы понизить кислотность в желудке. Иначе его начинала мучить изжога.

Самсонов сел на подоконник, размышляя над тем, что мог искать убийца в имплантатах (если они были) и нашел ли это или станет продолжать поиски? Невольно вспомнились картины из прошлого. Они продолжали преследовать старшего лейтенанта, хотя кошмары снились теперь не так уж часто. И все же это был груз, от которого Самсонов никогда не сумеет избавиться – сколько бы преступников он ни поймал. Полицейский понял это и смирился. Иногда он думал, что, пожалуй, и не хотел бы совсем забыть окровавленный железный куб и ошметки человеческих тел, разбросанные повсюду, – чтобы не забыть, почему он пошел в полицию. Хотя разве он нуждался в стимуле? Разве мог перестать преследовать зло?

Через полчаса в управление явились остальные следователи и опера «Серийного отдела». Вся компания расположилась в конференц-зале, чтобы сравнить вещи, личности и образ жизни двух убитых эмигрантов. Работа была кропотливая, потому что очень легко можно было не заметить какую-нибудь «мелочь» и тем самым упустить точку соприкосновения между жертвами.

Окна открыли, чтобы было посвежее, и в помещении запахло сиренью, росшей вокруг управы.

Через два с половиной часа Самсонов решил, что пришло время подвести итоги.

– Итак, – проговорил он, беря лежавший перед ним исписанный мелким почерком листок, – что мы имеем? Бончовска и Йорг были эмигрантами. При этом нет никаких документов, относящихся к их жизни до переезда в Россию: нет личных фотографий за период, предшествовавший эмиграции, нет сведений о родственниках, нет информации о том, чем они занимались в Болгарии и Молдавии, нет ничего личного в компьютерах, которые любезно взломал наш коллега, – при этих словах Самсонов подмигнул Морозову. – Зато мы знаем, что убитые были знакомы и являлись членами одного шахматного клуба «Табия», о чем свидетельствуют найденные в их квартирах членские билеты и спортивные награды. Йорг и Бончов-

ска имели телефонные номера друг друга в своих мобильных. Кроме того, в сотовом Йорга обнаружилось сообщение с неизвестного номера в виде стихотворения. Я прочитаю:

Дитя с безоблачным челом
И жаждой новизны,
Менялось время и текло,
И мы разделены.
С улыбкой любящей прими
Ты сказку – дар моей любви...

Андрей утверждает, что это отрывок из детской книжки.

– Да, – кивнул Дремин. – Из «Алисы в Зазеркалье». Я как раз дочке читал на той неделе. Правда, в другом переводе, но это точно оттуда.

– И такое же сообщение, – продолжал Самсонов, – обнаружилось в телефоне Бончовска, только оно было удалено. К счастью, нам удалось восстановить все эсэмэски. Опять же спасибо Юре. – Он кивнул Морозову. – Номер, с которого были отправлены сообщения, надо проверить и выяснить, кто абонент. Займешься этим ты, – добавил он, обращаясь к Дремину. – Остальные, кровь из носа, но узнайте, кем были эти парни и как оказались в России. Проверьте паспорта, отпечатки пальцев пробейте по Интерполу, сделайте повторный осмотр квартир – поднимите пол, просветите стены, обыщите их автомобили, съездите к убитым на работу и обшарьте там все. Выясните, нет ли у них абонированных банковских сейфов, и так далее. Отправьте запрос в Болгарию и Молдавию, чтобы было ясно, существуют ли наши Роман Бончовска и Богдан Йорг вообще. Выясните, не закупалось ли в последнее время оборудование для бальзамирования и составы для разжижения крови. Заодно проверьте все бюро ритуальных услуг. Наш убийца может работать в одном из них. Ищите всех, у кого есть доступ в помещения и к оборудованию, включая ночных охранников. Все ясно? Тогда за работу.

Следователи и опера начали расходиться.

– А ты чем займешься? – спросил, вставая со своего места, Дремин.

– Съезжу в шахматный клуб, – ответил Самсонов. – Поговорю с теми, кто должен знать обоих жертв.

– Думаешь, убийца – кто-то из клуба?

– Не исключено. Обычно первой жертвой становится если не знакомый, то человек, которого убийца видел достаточно часто. И, кстати, проверь, не было ли убийств, вроде этих двух, раньше. За последние пять лет, например.

– Это ж до черта! А мне абонента искать еще.

– Ну, засади за это Рогожина. Вон, лови его, пока не ушел.

Дремин кинулся в коридор, а Самсонов собрал материалы дела в папку и направился к себе в кабинет. Там он нашел через Интернет телефон шахматного клуба «Табия» и позвонил. После четырех гудков ответил высокий резкий женский голос:

– Алло?!

– Клуб «Табия»?

– Да.

– Меня зовут Валерий Самсонов, я из полиции. Мне бы хотелось поговорить с членами клуба и его администрацией. Могу я застать кого-нибудь сегодня?

– А по какому вопросу?

– Это связано с одним... вернее, с двумя членами вашего клуба.

– Президент сегодня на месте до шести, а что касается остальных, то, кого застанете, того застанете. Сегодня интересная игра должна быть, так что, вероятно, придут многие.

– Я приеду через час.

– Хорошо. Я предупрежу президента, – и женщина повесила трубку.

Самсонов вышел из кабинета и спустился вниз, где на стоянке его ждала машина. Ему было интересно посмотреть на членов шахматного клуба: неужели среди них действительно затесался жестокий убийца? Впрочем, почему нет? Ведь оказались же там два человека без прошлого.

Город источал запах по-весеннему приторный и горький – как гнилой фрукт, упавший с дерева на влажную почву. Самсонов потянул ноздрями – он любил этот дух мегаполиса, потому что родился и вырос с ним. Он не променял бы его ни на какой другой. Так же, как серые коробки высоток, подъемные краны, высящиеся на фоне бледного неба, и серые ленты магистралей.

Невольно в памяти всплыли слова Полтавина о том, что в деле Козерога у старшего лейтенанта был личный интерес. Наверное, криминалист думал, что прошлое надежно изгладилось из памяти полицейского и упоминание о нем не ранит его, но он ошибался. Как бы Самсонов ни старался избавиться от жутких образов, хранящихся в его голове, ничего не выходило. Хотя кошмары снились теперь совсем редко, наяву он все равно иногда мысленно возвращался к событиям, раз и навсегда определившим его судьбу.

Сев в свой недавно приобретенный «Олдсмобиль Катласс», Самсонов включил проигрыватель. Он обожал скорость и специально прокачал купленный за четверть цены автомобиль, который теперь мог выдавать до двухсот семидесяти километров в час. Плюс специальная подвеска и укрепленная рама, которую Самсонов лично проварил по всем швам. Не говоря уж о полностью перебранном двигателе, в котором старший лейтенант постарался оставить по возможности больше родных деталей. На этой тачке Самсонов собирался в ближайшем времени участвовать в гоночном заезде. Оставалось только покрасить машину.

Под ритм песни Эми Уайнхаус «Длинный день» полицейский на всякий случай тщательно проверил пистолет: вытащил магазин, вытряхнул из него патроны на соседнее сиденье, туда же отправил патрон из ствола, потрогал пружину обоймы, убедился, что затвор ходит легко. Он проделывал это раз в день – просто по привычке.

Вставляя патроны обратно в магазин, Самсонов усмехнулся: можно подумать, он отправляется в логово льва, а не в клуб людей, часами просиживающих над клетчатой доской.

Глава 2

Белые начинают и выигрывают

Здание, в котором располагался шахматный клуб «Табия», было многоквартирным домом сталинского периода – советский монументализм нашел отражение в греческих портиках и колоннах, высоком крыльце и огромных квадратных окнах.

Клуб был на первом этаже, в него вела железная дверь с домофоном. Самсонов приготовил удостоверение и нажал единственную кнопку.

– Да? – голос был женский, тот самый, который ответил по телефону.

– Старший лейтенант Самсонов. Я вам сегодня звонил.

Дверь пискнула и открылась.

В холле клуба лежал ковер, по обе стороны от стойки администратора стояли большие кадки с развесистыми пальмами – на первый взгляд настоящими. Свет шел от неоновых ламп на потолке. В целом помещение производило впечатление офисного – если бы не женщина за стойкой, одетая в черное платье с огромными аляповатыми цветами. На ее мощной шее висела сложенная втрое нитка жемчуга, на запястьях сверкали массивные позолоченные браслеты. От нее пахло сладким парфюмом, но этот дорогой запах перебивался мерзкой вонью, наполнявшей комнату.

– У вас тут что, крыса сдохла? – не выдержал Самсонов.

Он подошел к стойке и показал удостоверение. Женщина взглянула на него мельком. На ее лице появилось брезгливое выражение, но относилось оно к запаху, о котором спросил полицейский.

– Похоже на то, – ответила она, морща широкий нос, на кончике которого блестел пот. – Да еще и кондиционер сломался, как назло. Если так пойдет и дальше, я просто перестану выходить на работу, и пусть справляются без меня как хотят! – она с грохотом опустила на столешницу толстую пачку бумаг, перетянутых зеленой резинкой. – Так по какому вы вопросу? – карие глаза, жирно обведенные карандашом, уставились на полицейского. – Я предупредила президента, он у себя, но мы все недоумеваем, что такое могло случиться с кем-то из членов клуба, что вам понадобилось приезжать.

– Фамилии Бончовска и Йорг вам о чем-нибудь говорят?

В глазах женщины зажегся интерес.

– Само собой. Первого убили три недели назад, а что со вторым? Это его рук дело?

– Нет, вряд ли. Его тоже убили.

– Серьезно? – Женщина хмыкнула. – Бывают же совпадения.

– Больше, чем совпадения. – Самсонов придвинул стеклянную вазу с букетом тюльпанов. Три были желтого цвета, а два – красного. – Чудные цветы. Ваши?

– Да, от неизвестного поклонника. – Женщина кокетливо поправила бутоны. – Только сегодня утром прислали.

– Правда?

– Да. Так что там с Йоргом?

– Та же история, что и с Бончовска.

– Хотите сказать... – женщина запнулась. – То есть...

– Именно. Маньяк! – почему-то Самсонову пришло в голову, что сведения такого рода помогут разговорить администратора. Он интимно придвинулся, перегнувшись через стойку, и продолжил почти шепотом. – Запредельная жестокость! И обе жертвы – члены «Табии». Теперь понимаете, почему я здесь?

– Да-да-да! – забормотала женщина, глядя на него, будто завороченная. – Кажется, понимаю!

Однако было видно, что она представления не имеет, что хочет сказать Самсонов. Полицейский выпрямился.

– Кто принес цветы?

– Какие цветы? – растерялась женщина. – А, тюльпаны! Не знаю, какой-то курьер. Из службы доставки.

– Что за фирма?

– Не помню.

– Упаковка сохранилась?

– Вот она, – Женщина извлекла из-под стола прямоугольную коробку. – А что?

Самсонов внимательно осмотрел ее и сунул под мышку.

– Если вы не против.

– Нет, ради бога. Да зачем она вам?

– Мало ли. Как, кстати, вас зовут? – Самсонов достал из кармана блокнот и ручку. Женщина прочистила горло.

– Кроликова Анна Юрьевна.

– Хорошо знали убитых?

– Да не особо. Приходили они часто, но со мной просто здоровались и прощались.

– Они приходили вместе?

– Нет, порознь. В смысле, часто встречались уже тут, но являлись в разное время.

– А уходили?

– Уходили иногда вместе.

Самсонов поднял глаза на администраторшу:

– То есть дружили?

– Откуда же я знаю? Об этом вы у Пети спросите. Он с ними часто ходил.

– Кто таков?

– Антонов. Член клуба. Сегодня здесь, кстати.

Полицейский сделал пометку в блокноте.

– Проводите меня к президенту, пожалуйста.

Кроликова с трудом выбралась из-за стойки. Ее объемные тела перекачивались под цветами платья в такт движениям.

– Идемте, – проговорила она, обдав Самсонова волной духов.

Кабинет президента «Табии» располагался в конце коридора, из которого вели еще четыре двери. Две из них были распахнуты, и, проходя мимо, Самсонов увидел сидевших за шахматным столиком игроков и стоящих рядом с ними членов клуба.

– Сюда, – сказала Кроликова, нажимая на ручку обшитой рейками двери с латунной табличкой, на которой красовалась надпись: «Президент клуба Донников Андрей Валентинович». – Андрей Валентинович, к вам! – добавила она громко, переступая порог.

Самсонов последовал за ней и увидел сидящего за большим стеклянным столом мужчину лет пятидесяти, аккуратно подстриженного, с высоким шекспировским лбом и слегка закрученными кверху усами. Президент «Табии» поднялся и взглянул на полицейского сквозь дымчатые стекла очков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.